

Ань Янь снова замер. Раньше он думал только о том, как бы превратиться обратно в хомяка, но упустил из виду, что даже если он станет хомяком, ему всё равно придётся продолжать жить дальше как человек — Ань Янь. А значит, ему обязательно нужно будет снова вернуть себе человеческий облик.

Подумав об этом, он понял, что его прежнее решение было и правда слишком опрометчивым.

Увидев, что маленькая головка Ань Яня снова поникла, Чэн И легонько потрепал его по макушке и смягчил голос:

- Не волнуйся, мы что-нибудь придумаем. А сейчас я сначала отвезу тебя к себе домой на медосмотр, хорошо?

На этот раз Ань Янь не стал отказываться, а послушно кивнул маленькой головой.

Чэн И снова обвёл взглядом комнату общежития. Он хотел было найти какую-нибудь подходящую ёмкость, чтобы временно спрятать малыша, но, поразмыслив, в конце концов принял решение:

- Янь-янь, ты пока посидишь у меня в кармане, хорошо? Так будет меньше подозрений.

Ань Янь в это время всё ещё думал о только что возникшей проблеме, поэтому, не долго размышляя, послушно согласился.

И только когда он оказался в штанах у Чэн И, пожалел об этом.

Сейчас было тепло, и на Чэн И были надеты только одни штаны. Тонкая ткань совсем не скрывала тепла его тела.

Ань Янь чувствовал вокруг только температуру тела Чэн И и его запах, и уже через несколько мгновений ему стало трудно дышать.

Хуже того, когда Чэн И шёл, он подпрыгивал вместе с ним. И хотя между ними была ткань, при таком трении туда-сюда этот слой ткани практически ничего не значил.

Ещё хуже было то, что, подойдя к двери, Чэн И вдруг нагнулся и поднял его одежду, упавшую на пол.

В тот момент Ань Яню показалось, что его чуть ли не расплющило в лепёшку.

Но во всём этом был виноват только он сам, поэтому, как бы неудобно ему ни было, он не имел права сейчас поднимать шум и мог только молча терпеть, сдерживая слёзы.

Но на самом деле, кроме него, сейчас жалел о своём решении и Чэн И.

Он действительно принял это решение нарочно — разумеется, чтобы воспользоваться случаем и вступить с малышом в тесный контакт, причём в такой контакт с оттенком двусмысленности.

Но когда этот контакт действительно стал реальностью, Чэн И тут же пожалел.

Ткань была слишком тонкой. Тёплое, мягкое тельце малыша практически касалось его бедра напрямую и к тому же тёрлось об него в такт его шагам.

Это само по себе было для него уже почти невыносимо. А ещё хуже было то, что мягкая шёрстка малыша, каждый волосок, проникал сквозь ткань, словно впиваясь прямо в его сердце, вызывая нестерпимый зуд, так что ему хотелось сунуть руку в карман и почесать.

Это было просто невыносимо!

Чэн И едва удалось собрать всю свою силу воли, чтобы сохранить остатки достоинства и не отреагировать физически. Но и тело, и душа подвергались огромным мучениям и испытаниям.

Промучившись так всю дорогу до аэромобиля, Чэн И, как только сел в него, немедленно достал малыша из кармана и с облегчением выдохнул:

- Янь-янь посидит на пассажирском сиденье, хорошо?

Ань Янь тут же закивал. Он и правда чуть не задохнулся там.

Хотя эта ситуация была для обоих — и человека, и хомяка — несколько неловкой, никто из них не произнёс этого вслух. Они общались как обычно, в нормальном тоне.

Но хотя тон был нормальным, способ общения сильно отличался от обычного.

У Чэн И проблем не было, но для Ань Яня, превратившегося в хомяка, который теперь умел только «пикать», выражать свои мысли с помощью речи было, очевидно, затруднительно.

Чтобы они могли нормально общаться, Чэн И вывел интерфейс ввода своего светового коммпа перед Ань Янём, чтобы тот мог в любой момент что-то на нём написать — так они могли беспрепятственно общаться.

Ань Янь принялся быстро-быстро стучать по экрану светового коммпа:

«Я сейчас увижу твоих родственников?»

Чтобы общение было более эффективным, Ань Янь сразу опустил обращение к Чэн И.

Чэн И мельком глянул на содержание светового комм и ответил:

- Нет, когда я приеду домой, они уже должны спать. А даже если не будут спать, я тебя защищу.

Ань Янь с чувством умиления посмотрел на Чэн И:

«Спасибо, Старший».

Старший действительно слишком добр. Он не только не стал его зажаривать и есть, но ещё и собрался проверить его здоровье и сохранить его тайну.

Чэн И тоже взглянул на крошечные глазки Ань Яня и с отличным настроением сказал:

- Это я должен делать, Янь-янь слишком вежлив.

В то время как хомяк Ань Янь послушно отправился с Чэн И домой на медосмотр, Чжао Синьсинь, уже находясь дома, жаловалась отцу на дела, связанные с ними.

- Папа, ты даже не представляешь, насколько черезмерны Чэн И и Чэн Ян, - Чжао Синьсинь, едва увидев Чжао Чэнсюаня, нахмурилась и с недовольством принялась жаловаться. - Ладно, Чэн И всегда был со мной холоден, но он до сих пор не обращает на меня внимания и даже при постороннем нарочно меня унизил. Это просто возмутительно!

Перебрав все провинности Чэн И, Чжао Синьсинь принялась жаловаться на Чэн Яна:

- Чэн Ян тоже хорош. Подумать только, я подарила ему элитное лекарство, а он даже не знает благодарности. При стольких людях он ни капли уважения мне не оставил. Я так в нём разочаровалась!

Чжао Чэнсюань похлопал дочь по плечу и успокаивающе сказал:

- Семья Чэн — всё-таки клан меха-войнов. Одной лишь бутылкой элитного лекарства, боюсь, можно лишь немного изменить их отношение к нам, но сблизиться — это уж точно невозможно. Я уже говорил тебе об этом раньше, так что не торопись.

- Папа, это вовсе не я тороплюсь, это они слишком далеко зашли! - Чжао Синьсинь возмутилась ещё сильнее. - Папа, ты знаешь? Чэн Ян сблизился с тем самым Ань Янём, который занял первое место на вступительном экзамене. Мало того что он из-за неё отверг мою доброту, так ещё и прилюдно меня унизил! Мне было так стыдно!

- Ань Янь? - Чжао Чэнсюань сразу уловил главное в словах Чжао Синьсинь. - Кто такой этот Ань Янь?

- Он просто какой-то выскочка, который занял первое место, используя нечестные приёмы, - при упоминании Ань Янь Чжао Синьсинь переполнилась злобой. - Кроме как жульничать, он, по-моему, умеет только подлизываться к нужным людям. Сколько времени прошло с начала занятий, а он уже подлизался к Чэн Яну и даже ужинал с Чэн И. Это просто отвратительно!

Чжао Чэнсюань задал встречный вопрос:

- А ты расследовала его происхождение?

Чжао Синьсинь на мгновение растерялась, а затем, опомнившись, с некоторым чувством вины умерила свой пыл:

- Ещё нет.

- Раз уж ты так переживаешь из-за этого человека, почему бы сначала не выяснить его личность и происхождение? - В отличие от тех жалоб, что дочь высказывала только что, Чжао Чэнсюаня гораздо больше волновал подход дочери к решению проблемы. - Хотя ты сейчас в университете и многие вещи тебе неудобны, но всего лишь собрать информацию о каком-то человеке — разве это сложно?

Чжао Чэнсюань воспитывал Чжао Синьсинь как наследницу семьи Чжао, поэтому, разумеется, он не мог не учить её таким вещам.

Более того, чтобы отточить навыки дочери, Чжао Чэнсюань специально предоставил ей определённые связи и людей в распоряжение.

Выслушав слова отца, гнев Чжао Синьсинь большей частью сменился чувством вины. Она, конечно, понимала, что хотел сказать отец, но всё же не удержалась и оправдалась:

- Сейчас только начались занятия, я всё ещё привыкаю к жизни в университете, поэтому не успела заняться этим делом.

Чжао Чэнсюань слегка вздохнул:

- Синьсинь, я не упрекаю тебя, я просто напоминаю, как нужно действовать. И я должен напомнить тебе: если ты действительно считаешь, что Ань Янь — это всего лишь какой-то спекулянт и подлиза, то не позволяй его существованию влиять на твои эмоции и тем более лишать тебя способности здраво оценивать некоторые вещи.

Чжао Синьсинь стало немного стыдно от слов отца, но она не хотела признавать, что в этом деле она действительно была права, поэтому могла только невнятно промямлить что-то в ответ.

Увидев это, Чжао Чэнсюань не стал больше ничего говорить, а просто молча запомнил имя «Ань Янь». Он не верил, что тот, кто способен растрожить чувства его дочери и даже лишить

её самообладания, может быть безвестным выскочкой, умеющим только идти на поводу.

Вместо того чтобы получить от отца поддержку, Чжао Синьсинь получила нагоняй. Она, разумеется, снова приписала это братьям Чэн и Ань Яню, и злоба её на них только усилилась.

Тем временем Ань Янь и Чэн И не знали о том, что происходит в семье Чжао. Они благополучно добрались до дома Чэн И, но теперь возникла новая проблема: как Чэн И сможет благополучно провести Ань Яня в дом?

При нём не было никакой сумки или контейнера. Хотя у него был пространственная кнопка, Чэн И не хотел запихивать малыша в него одного. Подумав туда-сюда, он вдруг понял, что не знает, как быть.

Маленький хомяк, который послушно сидел на пассажирском сиденье, тоже был в большом затруднении. Он очень боялся, что Чэн И снова засунет его в карман штанов.

Чтобы не допустить повторения этой неловкой ситуации, Ань Янь немного подумал и первым нацарапал на экране светового комм-фраза:

«Может, ты просто зажмёшь меня в кулаке?»

Рука у Чэн И была большая, а Ань Янь был крошечным. Если никто не станет пристально вглядываться, держать его в руке было совершенно безопасно.

Чэн И тоже не мог придумать лучшего варианта, поэтому кивнул:

- Тоже вариант.

Он протянул руку к пассажирскому сиденью, раскрыл ладонь вверх, и Ань Янь послушно встал и сам забрался на ладонь Чэн И, более того, сознательно свернулся в крошечный комочек.

Такой послушный, что Чэн И захотелось наклониться и расцеловать его в обе щеки.

Изо всех сил подавив это желание, Чэн И, держа хомяка на ладони, сошёл с аэромобиля и, входя в дом, осторожно сжал пальцы, прикрыв Ань Яня своей ладонью.

Когда Чэн И вошёл, в гостиной и правда было тихо — значит, остальные члены семьи Чэн уже поднялись к себе.

Но свет в гостиной всё ещё горел — должно быть, оставили специально для Чэн И.

Чэн И с облегчением выдохнул, закрыл входную дверь и уже собрался подняться наверх, к

себе, как вдруг услышал сзади сонный голос:

- Старший брат, ты наконец вернулся! Ой, а что это у тебя в руке?

<http://bllate.org/book/12415/1106122>